

Джерри

ПУСТЯЧОК

Сборник рассказов

Джерри

Пустячок. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Джерри

Пустячок. Сборник рассказов / Джерри — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Наша жизнь настолько наполнена приятными пустячками, что и сама становится приятным пустячком. Этот сборник рассказов - о прекрасных и смешных, отвратительных и несимпатичных, ежеминутных и длительных, будничных и невероятных пустяках.

Содержание

КОТ	5
БИТВА	7
ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ	9
БЫТОВАЯ МАГИЯ	11
УТРО	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

КОТ

- Аллю, вы отдаете кота?
- Да, здравствуйте. Меня зовут Коля.
- Здравствуй. Меня зовут Саша. Расскажите, пожалуйста, о вашем коте.
- Девушка, это обычный кот. Нечего тут рассказывать. Все при нем – четыре лапы, хвост, усы.
- Сколько ему?
- Меньше года. Я не знаю, если честно, он вообще не мой. Это кот моей соседки бабы Вари. Она умерла на прошлой неделе, жила сама. Я кота на время забрал, но держать у себя не могу – работа, командировки. И я не умею с животными ну никак. Поэтому заберите его у меня. В наследство отдам полпачки корма.
- Как я его у вас заберу, если не знаю, чего от него ожидать? Мальчик или девочка?
- Я мальчик.
- Я про кота!
- А, он тоже. Мальчик, в смысле.
- Кастрирован или только собираетесь?
- Я???
- Кот!!!
- Я боюсь отвечать на этот вопрос, он тут рядом и все слышит.
- Смешной ответ. Какой окрас?
- Сейчас, минутку, разгляжу... Синий с сиреневым отливом.
- Ха, это шутка, надеюсь?
- Нет, не шучу. Кот синий с сиреневым отливом, при солнечном свете может казаться даже зеленоватым.
- Не остроумно. Вы бы выложили фотку кота в объявлении что ли. Он шумный? Шкода-ничает?
- Нет, совершенно спокойный, даже флегматичен.
- Я не хочу заторможенного кота.
- Я не говорю, что он заторможен! Он просто любопытный, как и любой другой кот, но не настойчивый. Отлично понимает человеческую речь. Если его не обижать, он не дерется и не плюет ядом. А еще лучше не кормить едой со стола, особенно сосисками – рвота жуткая.
- Николай, а блохи у него есть?
- Сейчас посмотрю. Какого обычно цвета блохи?
- *возмущенно* – Серые!
- Тогда нету.
- А глистогонку коту делали?
- А это как?
- *фыркает* – Молодой человек, вы вообще о котах что-нибудь знаете? Коту давали таблетки или капли, чтобы вывести глистов?
- Я не знаю. Я лично не давал. Я предлагал ему аспирин, когда кот пожаловался на головную боль, но он отказался.
- Знаете, еще один такой ответ – и я брошу трубку! Я вас хочу выручить – вы знаете, сколько этих несчастных котиков в приютах сидит в клетках? Сегодня можно подобрать котенка на улице – и он будет любить тебя всю свою жизнь, а я беру у вас взрослого кота, еще и не вашего! Вы хоть представляете, сколько ему придется привыкать ко мне? Какой это стресс и

для животного, и для меня? А вы вообще не хотите о нем ничего рассказать! Сколько он у вас живет?

– Пять дней.

– И вы за пять дней его толком не изучили?

– Понимаете, нет. Первые пару суток он жил сам в ванной. Я совсем не умею с животными, честно, я не живодер какой-то, чтобы его запирать, просто он уж очень...

– Что «очень»? Он дрался? Обои портил? Мебель переворачивал? Он орал – что он делал?

– Он страдал. Так, что сердце разрывалось. Я не мог на него смотреть, да и он хотел уединиться.

– Вы говорите очень странные вещи. Не могу понять, вы вообще нормальный или нет. Ладно, у вас есть переноска для кота?

– Хмм, а зачем?

– Господи, вы издеваетесь надо мной? Переноска – чтобы посадить туда кота и увезти в другой дом. Чтобы он в пути не буйнил и не волновался, чтобы не убежал.

– А какого размера нужна переноска?

– А какого размера ваш кот? Нужно, чтобы он в нее влез и у него было достаточно места, чтобы повернуться. Чтобы туда подстилка еще влезла...

– Девушка, у меня есть шкаф. Можно перевезти кота в нем. Я, правда, не уверен, что ему будет там, где развернуться...

– Придурок!...

Коля повесил трубку, которая ворчала гневными, обидными гудками. Кот, расправив крылья, аккуратно соскользнул на пол со шкафа и, изящно опустившись перед Колей, уселся, возвышаясь над сидящим хозяином.

– Что, сорвалась? – послал он телепатический сигнал, с сочувствием глядя на Колю всеми тремя ярко-малиновыми глазами.

– Угу, – печально констатировал Коля, погладив кота по сине-серебряной чешуе. Тот покровительственно лизнул Колю в макушку.

– Ладно, не печалься. Коты в тренде, меня скоро заберут. Хотя по бабе Варе я все равно скучаю, хорошая она была, добрая. Мурчиком меня звала, сметанку в тазик наливала. Кстати, у меня лоток уже полный. Аж вываливается.

– Это не лоток, а моя ванна, – простонал Коля. – Слушай, вот ты же умный кот, разговаривать умеешь. Может, ты мог бы делать свои дела в унитаз, а?

– Не мечтай, – фыркнул кот, и, выгнув спину, сплюнул ядовитую слюну Коле под ноги. На паркете образовалось темное, дымящееся пятно. – Иди лучше дай мне сосиску.

– Не дам, – вяло воспротивился Коля. – Ты в прошлый раз блевал дальше, чем видел. Паркет – фигня, железобетонное перекрытие прожгло. Соседям снизу еще день с потолка яд капал.

– Ой, подумаешь, – заискивающе просил кот, вылизывая синее перепончатое крыло. – Ну дай сосиску! Не жадничай!

– Ну, пошли, – поднялся Коля. – Только вот что: будешь блевать – давай в окно с кухни, ладно? Там у нас под окном один козел вечно паркуется. Заодно сделаешь доброе дело. То есть, не то, чтобы доброе, но...

– Ура-ура! – и кот вприпрыжку помчался за Колей, по пути нечаянно задев игольчатым хвостом тумбу с телевизором. Тумба зашаталась с самыми серьезными намерениями но, вовремя одумавшись, остановилась. На этот раз.

БИТВА

– Позвольте вам помочь, – обратился СверхВася к Красавице, бьющейся в щупальцах монстра.

– Любезно с вашей стороны, – прохрипела Красавица, – но я без надобности. Раз уж сама вляпалась, то сама и управлюсь.

– Мне все же кажется, – скромно отметил СверхВася, – что вы в затруднительном положении.

Чудище без труда отражало удары красоты, вооруженной невпечатляющим кинжалом, и отделалось всего лишь парой царапин. У Красавицы же, напротив, напрочь сбилось дыхание и сил оставалось все меньше. СверхВася наблюдал за схваткой с терпением джентльмена, тактично не прерывая соперниц.

– Мужчина, чего пристали? – вдруг взбеленилась красotka, с трудом отбивая попытки Чудища стянуть с нее скудный гардероб, состоящий преимущественно из набедренной повязки и легкомысленного топа. – Вам что, делать нечего?

– Но ведь я дал клятву защищать слабый пол! – с излишним пафосом воскликнул СверхВася. – Если женщина в беде, я не могу пройти мимо!

– Еще один сексист, – прохрипела Красавица, безуспешно стараясь ослабить хватку щупальца на шее. – Вот Чудищу помогите, оно тоже женщина.

– Правда? – СверхВася оценивающе рассматривал Чудище. – Но мне кажется...

– Мужчина, шо вы на меня так оставились? – вспыхнуло Чудище, неосмотрительно ослабив хватку. Красавица выскользнула, и полоснув кинжалом зверя по щупальцу, отбежала отдышаться, поправляя на ходу набедренную повязку. Чудище приложило раненное щупальце к неэстетичному ротовому отверстию. – Я поправилась после родов.

– Боже, у него еще и... – СверхВася успел тактично заткнуться. – А почему вы, дамы, затеяли смертный бой?

– Не твое дело! – хором проорали Красавица и Чудище.

– И что ты тут забыл, а? – подскочила Красавица, неприветливо угрожая кинжалом и подрагивая набедренной повязкой.

– Ходят тут, потом проблем не оберешься, – ворчало Чудище, сердито ворочая щупальцами.

– Я просто не привык бросать прекрасных дам в беде, – оправдывался СверхВася. – А тут буквально мимо проходил...

– Иди-ка отсюда, – зло сверкнула глазами Красавица, поправляя топ. – Мы девочки, мы тут без тебя разберемся, понял?

– Слушайся умных баб, Вася, – поддержало Чудище, протягивая к СверхВасе воинственно настроенные щупальца. – Вали. Как поссоримся – так и помиримся. Нам полезны физические нагрузки. Скоро лето, на морько поедем, а куда всю эту красоту в купальники втиснуть? Или ты нам что-то сказать хочешь?

СверхВася бросился бежать, погружаясь по щиколотку в пески барханов. Еще долго у него в голове пульсировал издевательский двойной вопль Чудища и Красавицы:

– Катись отсюда, малохольный!

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

Когда он впервые увидел ее, она чистила рыбу. Чешуя, облепив руки, серебрилась и казалось, будто на ее кистях поселилось холодное, мертвое солнце.

– Ты очень красивая, – сообщил он ей, но девушка лишь поморщилась, откинула копну ярких огненных волос и фыркнула.

Он обошел ее с другой стороны.

– Ты мне нравишься, – сообщил он.

– Старик, отстань! – красавица вскинула на него синие, как небо, глаза. – У тебя ни единого зуба во рту, а я молода и у меня белая кожа. Уйди!

Пожилой охотник, чуть подволакивая ногу, отошел и стал наблюдать за девушкой издали. С этого дня ему не было покоя. Он думал о ней все время, и даже в момент смерти попробовал вызвать ее образ в памяти.

Удалось.

– Надо в следующий раз родиться одновременно с ней, – решил он и, подкупом и шантажом отобрав чужую очередь на воплощение, снова родился. Она в этот момент смотрела куда-то в сторону, и поэтому подвоха не почувяла.

На этот раз у нее были черные как вороное крыло волосы и жила она в соседней деревне. Чтобы узнать ее, ему понадобилось 22 года. Он бросил жену и детей и пришел к ее дому.

– Уйди, дурак, – зашипела она из-за двери. – Я умираю. От лихорадки.

– Я хочу тебя поцеловать. Еще с прошлой жизни хочу, – попросил он самым нежным голосом, каким только мог.

– Пошел к черту! – дверь приоткрылась, и метко брошенный горшок, встретив его голову на лету, разлетелся на сотню черепков.

Она умерла через два дня. Он ужасно горевал, рыдал, страдал головой и умер. Через 30 лет.

– Почему ты меня отвергаешь? – спросил он у нее в очереди на рождение. Она стояла за примерно за десять человек от него, и, уставившись себе под ноги, тербила кончик косы.

– Отстань, дурак, – и девушка отвернулась.

На этот раз он что-то перепутал, прыгнул куда-то не туда и родился поросенком. Правда, в этом были и свои плюсы: он мог каждый день наблюдать по утрам, как его любимая кормит птицу.

Но был и свой минус. Рождественский ужин, куда его пригласили сыграть роль основного блюда.

Отказ не приняли.

Кем только он ни рождался:

он становился одуванчиком, который щекотал ее нежную пятку;

он воплощался в птичку, которая прилетала с рассветом петь у ее окна;

он дважды родился ее чашкой, причем один раз прожил с ней больше 20 лет;

невозможно сосчитать, сколько раз он был ее соседом, смелым рыцарем, сестрой, случайным встречным на улице, пастором в церкви, цветочницей, булочником, массажисткой, парикмахером, рыбкой в банке, сусликом в саду, арендодателем, просто молча влюбленным в нее поэтом.

Иногда она его узнавала. Тогда при встрече она поднимала бровь и резко отворачивалась, махнув копной то рыжих, то черных, то русых, то соломенных волос.

Особенно бестактно это было в той жизни, когда он стал пастором, но даже это он стерпел.

Ведь он узнавал ее всегда.

Однажды он подобрался к ней особенно близко, но в рамках текущей жизни это не могло ему дать ровным счетом ничего. Он родился маленьким черным козленком, которого она выпестовала, вырастила и с которым шаталась по городам, горланя неприличные песни.

Она была цыганкой, и поэтому происходящее доходило до нее чуть быстрее, чем обычно.

– Чего ты добиваешься? – с досадой как-то спросила она. – Я тебе еще пятьдесят жизней тому дала от ворот поворот! Умей проигрывать, в конце концов!

– Бэээ! – с обидой ответил он и отвернулся, скрывая непрошенную слезу.

Ее повесили на главной площади одного города. Его – сожрали нищие.

– Какое жуткое это занятие – любить, – размышлял он в очереди на рождение. Она стояла ровно за ним и, делая вид, что в упор его не видит, пыхтела носом. В прошлой жизни она утонула, и до сих пор ее мучил небольшой насморк.

– Что мне сделать, чтобы ты меня полюбила? – обернулся он. Она широко распахнула глаза.

– Отстань, дурак! – и отвернулась.

Кстати, именно это и сработало. В некотором смысле. Он попытался потерять ее из виду и пару жизней прожил на других континентах, стараясь не путешествовать без крайней необходимости.

Потом она явилась к нему сама.

Она была невероятно хороша, как тогда, в самый первый раз, с холодными синими глазами, копной рыжих волос и белой кожей. Для полноты погружения не хватало только рыбной чешуи на руках.

– Почему ты меня не преследуешь? — вместо приветствия спросила она.

– Ты ведь сама послала меня куда подальше, разве нет? – удивился он.

– А ну-ка немедленно вернись поближе и томись! – топнула она.

Через три дня они поженились. Через год родили сына. А через три она собрала вещи и уехала к маме. На другой континент.

– Но почему? – кричал он в телефон.

– Я передумала, – ему даже показалось, что он увидел, как она пожала плечами.

Он пил горькую ночами, рыдал в подушку, а днем играл с маленьким сыном, кормил его супом и водил в парк смотреть на рыжие, похожие на ее волосы, листья.

Через месяц она вернулась. Ее лицо сияло.

– Я все вспомнила! – закричала она и с порога кинулась обнимать его. Впервые за все времена их знакомства она глядела на него восторженно, радостно, с любовью и надеждой. – Ты ведь... я же... ты ведь моя козочка! Я тебя выкормила! Как же я могла тебя бросить, ведь ты был таким чудесным черным козленочком, так умильно шлепал губами! Можно я по старой памяти буду называть тебя Бубенчиком? – и она с чувством потерлась о его небритую щеку.

«Немного странно, но для начала сойдет. В следующей жизни выпрямим этот глюк», – подумал он и обнял ее в ответ.

БЫТОВАЯ МАГИЯ

Утро еще не набралось сил и ярких красок. Рассветная августовская дымка отступала под первыми лучами солнца, но еще вполне уверенно удерживала позиции между домами и деревьями. В это время летом Генриетта Павловна всегда выгуливала мопса Боню. Позже зной не выпускал грузную старушеницу из дома, и она, морщась от жары, наглухо задраивала окна тяжелыми шторами.

– Бонечка, а шо это у нас тут такое делается? – Генриетта Павловна остановилась и сложила руки на животе. Мопс Боня внутренне вздохнул: эта поза старухи говорила о том, что до соседского двора с аппетитными крысами, живущими возле мусорника, они так и не дойдут. Не умела она смолчать и уж тем более – пройти мимо, когда тут такое.

– Не, ну Боня, ну посмотри только! – возбужденно заворковала Генриетта Павловна, кивая головой на перекресток. Мопс послушно повернул голову. – Вон что делается, а!

Девушка в рваных джинсах старательно обливала из канистры какие-то тряпки, лежащие ровно посреди перекрестка. Поставила канистру, распрямилась, достала какую-то бумажку из кармана и, бегая по ней глазами, что-то зашептала.

– Девонька! – не выдержала Генриетта Павловна, – ты чего делаешь, а?

Девушка замахала головой, будто пытаясь избавиться от назойливой мухи.

– Ты волшбишь, что ли? – удивилась Генриетта Павловна. – А что делаешь – сглаз снимаешь? Соперницу нейтрализуешь? Ну скажи бабке-то, интересно же!

Девушка вытащила из кармана коробок спичек, зажгла одну, и, уже по пути к машине чуть поодаль, швырнула спичку в грудку тряпья. То вспыхнуло.

«Я не разговариваю с незнакомцами!», – отчетливо услышал мысль юной колдуньи мопс Боня и поднял глаза на Генриетту. Та с каменным лицом наблюдала за игрой огня ритуального костра.

– А пусть ее, подрастет – поумнеет, – вздохнула наконец Генриетта Павловна, обращаясь к мопсу. – Я ведь тоже молодая да глупая была. Всякое поколение развлекается по-своему. Пусть ее. Что-то даже зябко сегодня как-то, да, Бонечка? – старушка пожала плечами. – Прохлада такая и влажность. А ну как бы ревматизм после променада такого не мучил. Ты же пописал, Бонечка? Домой идем?

Мопс несогласно затыкал. Куда домой? Почему так быстро? Не замечая собачьего протеста, Генриетта Павловна подхватила собаку и осторожно, но умело взлетела над землей. Пара добралась до балкона второго этажа.

– Иди, Бонечка, иди, – Генриетта Павловна спустила твякающего мопса на пол балкона и стала с трудом перелезть через металлическую облезшую ограду.

– Надо внука попросить, пусть приладит мне тут калитку, – кряхтела она. – Несolidно-то как: я дама приличная, в годах уже, и через забор лажу. Стыд и позор, да, Бонечка?

– Стерва ты старая, зачем меня домой потащила! – заливался лаем Боня.

– А ну не кричи! – Генриетта Павловна замерла, перекинув одну ногу через ограду. – Ты что это разбушевался, Бонифаций? Чего обзываешься? Неужто забыл, как собакой стал, а? Кто на жену родную рот черный открывает, тот еще хуже собаки, это тебе повезло, что люблю тебя, дундука старого!

Боня недовольно заворчал – умела Генриетта поддеть и уже пятьдесят лет, как делала она это с чувством, со знанием, каждый раз пробуя что-то новое. А ответить ей – не могли. Один вон раз ответил. Шел третий год в шкуре мопса. Забыла Генриетта, как вернуть мужу человеческий вид. А может, только так говорила – кто же знает. Но в собачьей жизни есть свои неоспоримые плюсы. Да и внук привык уже. При встрече с уважением гладит по голове.

– Уф, – Генриетта Павловна наконец перемахнула через оградку. – Колени ноют с утра пораньше. Может, на дождь. А может, ночи холодней стали. Пошли завтракать что ли.

Боня молча кивнул. Ну ее, ту улицу. Он ведь тоже не мальчик, у него тоже с утра ноют колени. Пошли завтракать.

УТРО

В наши дни проворные и ушлые творцы подняли планку удивления безобразно высоко. Давайте начистоту: никого не удивит, если в уличном ларьке бородатый стегозавр в шейном платке закажет эспрессо. Дошкольник даже бровью не поведет, когда на детской площадке высадится десант звездолета в полной экипировке, а домохозяйка в магазине, видя приближающийся метеорит, лишь презрительно фыркнет и потянется за молоком. По этой причине писатель Леша Аннушкин не нашел сил удивиться, когда обнаружил, что все, написанное им, тут же обретает действительные формы. Леша почесал макушку, парой фраз снискал благоволение двух бабушек-соседок и одного издателя, да и успокоился на том. Что фантасту эти мелочи жизни, включительно с гонораром, когда в мире есть столько еще непридуманных вселенных. Впрочем, не всегда последствия творческого процесса спокойно уживались в Лешиней жизни.

– Сонечка, сделай что-нибудь с этой гадостью, – спросонок вздохнул Леша, ощупывая плечо жены. Соня, которая полагала, что просыпаться даже от пушечного выстрела ниже ее достоинства, вздохнула, не открывая глаза нащупала и обезвредила об стену оружий будильник. Еще минут пять подремали.

В коридорчике, куда не пробивался солнечный свет, Соне под ноги кинулось что-то темное и довольно крупное. Привычно переждав метания гостя, женщина не спеша прошелестела халатиком в ванную и долго, с удовольствием умывалась, отфыркиваясь и жмурясь.

– Стой, тут мое цайство, – дорогу в кухню ей преградил диковинный зверь. Крупная беличья морда с мудрыми миндалевидными глазами была приделана к телу некрупной, поджарой собаки. Зверь недовольно дергал пышным беличьим хвостом. Композицию венчал тюрбан на голове у гостя и золотая попона, расшитая синим шелком.

– Уруру? – Соня попробовала наладить контакт. Гость в попоне сердито замахал головой. – Ты кто такое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.